

Т.Н. Попова (Одесса, Украина)

В.Э. КРУСМАН: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Владимир Эдуардович Крусман, представитель «блестящей петербургской школы» историков, среди которых был «бесспорно, одним из самых сильных и значительных», - так писал о своем коллеге по кафедре П.М. Бицилли¹. Судьба В.Э. Крусмана (1879-1922) - трагична. Выпускник Санкт-Петербургского университета, ученик Г.В. Форстена и И.М. Гревса², В.Э. Крусман с 1908 по 1917 гг. преподавал в Новороссийском университете. С 1 июля 1917 г. был назначен на должность ординарного профессора Пермского университета, где проработал пять лет. Умер в Москве 25 августа 1922 г. в возрасте сорока трех лет³. В.Э. Крусман защитил магистерскую диссертацию только в 1916 г. и оставил небольшое по объему научное наследие, не успев в полной мере реализовать свой исследовательский потенциал. Последующее «забвение» ученого, на наш взгляд, в какой-то мере связано с рецензиями на его основной труд «На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование» (Одесса, 1915). Н.И. Кареев и Е.В. Тарле, авторы рецензий, имели в российской (и позже, в советской) историографии высокую научную репутацию⁴. Не приняв в целом концепцию В.Э. Крусмана (хотя оба отмечали высокий профессионализм автора: «строгую историчность» исследования, эрудицию, «надлежащую» работу с источниками и т.п.), они сыграли определенную роль в придании «образу» ученого черт провинциальности и незначительности. «Издержки» эпохи - «идеологизм» и проч. - способствовали тому, что научный поиск не был сфокусирован на трудах В.Э. Крусмана вплоть до 1990-х гг. Радикальное изменение историографической ситуации,

обращение к собственным традициям интеллектуальной истории и истории интеллектуальных сообществ, способствовало «возвращению забытых имен»⁵.

«Ощутить и учесть в полной мере, какую потерю понесла в его лице русская наука, - писал в 1922 г. П.М. Бицилли, - в состоянии лишь его ученики, либо те, кому, подобно мне, выпало на долю провести, в пору его научной и преподавательской деятельности, несколько лет в постоянном товарищеском общении...»⁶. П.М. Бицилли, друг и единомышленник, был одним из немногих, с кем В.Э. Крусмана, вероятно, делился своими проектами. Оценка научного наследия В.Э. Крусмана, данная П.М. Бицилли в некрологе, написанном им в память друга, позволяет совершенно в ином ракурсе подойти и к анализу основного труда ученого («На заре...»)⁶, и к пониманию его общего творческого замысла. Характерной чертой В.Э. Крусмана как исследователя, по мнению П.М. Бицилли, была «грандиозность его научных замыслов и исканий», которые соответствовали «широте его интересов, мощи его духа, высоте его умонастроения»; все это «в сочетании с неутомимой работоспособностью, феноменальной памятью и поистине изумительной начитанностью» создавало неповторимый облик ученого. П.М. Бицилли разъясняет, что монографию «На заре английского гуманизма», ставшую магистерской диссертацией В.Э. Крусмана, следует рассматривать «в качестве torso», т.е. своеобразного «отрывка», понять и оценить который нельзя, если не знать, с каким «общим замыслом» он был связан. Книга в 600 с лишним страниц «детальнейших исследований» о судьбе двух английских гуманистов XIV в. - Ричарда де Бери и Томаса Эрунделя - представителей высоко просвещенной церковной элиты (к фигурам которых еще никто до В.Э. Крусмана предметно не обращался, в том числе и в английской историографии), представляла собой по замыслу автора лишь своеобразную прелюдию к той работе, которая и была главной целью всей научной деятельности ученого. Ведущее направление исследовательских поисков В.Э. Крусмана - «история европейского общества» («европейской «интеллигенции», по терминологии автора) как выразителя «духа европеизма»; «синтез европейской культуры, понятий в ее происхождении».

Для создания этого «синтеза» В.Э. Крусман обратился к исследованию особенностей психического склада европейцев, но поскольку эти особенности обнаруживались, по его мнению, только «при столкновении представителей европейской культуры с другими культурами», то развертывание главного направления предполагалось через изучение двух «параллельных» тем. Это, во-первых, история общественной жизни в Западной Европе, а именно - происхождение общественного мнения «как факта социальной психологии». При этом исследование «общественного мнения» предусматривало анализ

различных, эволюционно сменявших друг друга типов его организации, многообразных форм его проявления, способов и характера «его действия на массы». Во-вторых, это - история «европейского империализма» на основе сравнительно-исторического анализа европейской и других мировых культур⁷.

Подобная постановка В.Э. Крусманом проблемы «синтеза западно-европейской культуры», по мнению П.М. Бицилли, доказывала «глубокое историческое чутье» ученого. Согласно взглядам В.Э. Крусмана (которые, безусловно, разделял П.М. Бицилли), «дух европеизма» наиболее ярко бы выражен в «двух творениях» «творческого гения Европы»: с точки зрения своего «внешнего проявления» - в стремлении создать «мировое царство» с осознанно поставленными «культурными целями, лишь отчасти вытекающими из целей экономической эксплуатации и политического властвования»; с точки зрения «внутренних задач» - в создании независимого от государства общества - «социального образования», «являющегося творцом и носителем народных идеалов», «противопоставляющего» себя государству и не имеющего себе аналогий в других, «вне-европейских», культурах.

Исходя из этих концептов в качестве «нормативного» европейского социально-психологического и политического образования В.Э. Крусман избрал Англию, а «английская общественность» стала главным объектом его анализа. История Англии как «классической земли «новой гражданственности» и свободной мысли» интересовала В.Э.Крусмана с точки зрения генезиса определенных политических, социальных, этических и прочих «идеалов» и их «осуществления на практике». В связи с этим он не ставил своей задачей исследовать обстановку - среду «саму по себе», создавшую и осознавшую эти идеалы. Таким образом, первая монография ученого рассматривалась им как «часть введения» в историю английского общества, в которой центральное место автор собирался отвести «английскому салону» XVIII в. Подобный подход «издалека» диктовался «условиями и характером задачи»: во-первых, «зарождение *общества*» (курсив П.М. Бицилли) в результате «секуляризации культурного слоя» приходился на XIV в.; во-вторых, поскольку В.Э. Крусман поставил вопрос о «внутренне-закономерном» развитии английского общества, как *нормативном*, или *типичном* (курсив П.М. Бицилли), нельзя было обойти «вопроса о *происхождении*» (курсив П.М. Бицилли) гуманизма в Англии». Важнейшим научным достижением В.Э. Крусмана, по мнению П.М. Бицилли, является то, что «ему удалось вполне твердо установить самостоятельность Англии в этом отношении»⁸.

П.М. Бицилли считает, что с данной работой В.Э. Крусмана в плане реализации его глобального проекта, связаны еще две работы,

написанные ученым уже в Перми: книга о первом представителе европейской интеллигенции - Петрарке и курс лекций по истории французского салона XVII-XVIII вв.⁹. Университетские лекционные курсы В.Э. Крусмана, оригинальные по содержанию, «свежие» по материалу, чаще всего были результатами «его собственной лабораторной работы» и тесно «соприкасались» с его главным исследовательским направлением. Среди этих курсов: «Главнейшие направления историко-философской мысли в новое время», «Реформационное движение XIII в. в романских странах», «Возникновение и первый период деятельности иезуитского ордена», «Общая теория истории (Курс методологический)», «Введение в изучение новой истории», «Главные обобщения новой истории», «Вспомогательные науки истории», «Систематическое источниковедение по новой истории», «Историография нового времени», «Методология истории», «Английская история в эпоху Тюдоров», «История английского владычества в Индии», «Эпоха возрождения в Англии», «Эпоха возрождения в Италии», «Эпоха крушения средневековых культурных и политических идеалов», «История реформации», «История европейских колоний», «История установления Европейского владычества в Индийском океане», «История Северо-Американских Штатов» и проч.

Как преподаватель и в университете, и на Высших женских курсах В.Э. Крусман производил «неотразимое впечатление» на своих слушателей своим «вечным духовным горением», «научным энтузиазмом», мастерством, с которым он оперировал огромной массой фактов. Стиль его речи не отличался от его «письма», а с «кафедры» он говорил так же, как и в обыденной жизни, что свидетельствовало о «необычайной цельности» его личности, «редкой искренности и простоте». Немецких корней, протестантского вероисповедания, В.Э. Крусман, называвший себя в шутку «петербургским чухонцем», был «вполне русским человеком», или «русским европейцем». Как и большинство либеральной университетской профессуры, В.Э. Крусман принял Февраль, но, будучи ученым и трезвомыслящим человеком, предвидел «кровь и террор». Возможно, поэтому он попытался из Одессы («где демон революции вскинулся мелким бесом»: так у П.М. Бицилли) скрыться «в древнюю, подлинную, исконную Русь» - ближе к местам своего детства. Но, в итоге, оказался в эпицентре гражданской войны «без средств, без работы и без книг»: его библиотека, насчитывавшая десятки тысяч томов, «была секвестрована правительством «украинской республики» в Харькове». Обосновавшись, наконец, в Перми, В.Э. Крусман начал хлопотать о ее возврате: «без своей библиотеки он не мог работать». В очередной поездке в поисках библиотеки, он «в дороге заболел тифом» и умер в Москве.

И.М. Гревс, основоположник оригинальной культурологической школы российских медиевистов, называл В.Э. Крусмана “выдающимся историком” и еще в 1922 г. считал, что “...специалистам было бы правильно еще раз пересмотреть его работы.”¹⁰. В современной литературе принят тезис о зарождении раннегуманистических тенденций в английской культуре уже во второй половине XIV в. Исследователи творчества В.Э. Крусмана считают, что «автор сумел реализовать и одновременно подтвердить свои профессиональные знания», а также стал первым из историков, познакомившим российское культурное сообщество со знаменитым трактатом Ричарда де Бери «Филобиблон»¹¹.

Научный проект В.Э.Крусмана, безусловно, значителен. Он собирался посвятить его воплощению всю свою творческую жизнь, поэтому «не спешил», «вынашивал», но, увы, судьба распорядилась иначе. В.Э. Крусман - новатор и по постановке проблемы, и по концептуальным идеям, и по методам - широкому компаративистскому анализу влияния Европы на мир. Его исследования имеют прямую проекцию в научные поиски современной историографии: историко-культурный анализ общества «переходного» периода - от средневековья к новому времени; генезис интеллектуальных сообществ в контексте изучения «интеллектуальных сетей» (Р. Коллинз и др.). Оценка творчества В.Э. Крусмана, данная П.М. Бицилли, свидетельствует о созвучии идей и подходов, о единстве исходных теоретических концептов двух исследователей культурной истории Европы позднего средневековья, и, шире - о Новороссийском университете как научном центре, развитие которого отвечало новейшим тенденциям европейского историографического процесса.

Примечания:

¹ Бицилли П. Памяти В.Э. Крусмана // Русская мысль. - 1923. - Кн. 1/2. - С.342.

² См.: Гревс И.М. Памяти В.Э. Крусмана (Некролог) // Анналы. - 1922. - № 2. - С.255; Кан А.С. Историк Г.В.Форстен и наука его времени. - М., 1979. - С.90.

³ См. подробнее о В.Э. Крусмани, П.М. Бицилли и др.: Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. - Одесса, 2007.

⁴ См.: Кареев Н.И. Был ли гуманизм в Англии в XIV в.? (По поводу одной книги) // Русские записки. - 1916. - № 3. - С. 49-65 (Пг., 1916. - 16 с.); Тарле Е.В. Новое исследование по культурной истории Англии // Журнал Министерства народного просвещения. - 1917. - № 3-4, отд.3. - С.139-165.

⁵ Среди первых публикаций 1990-х гг. о В.Э. Крусмани см.: Попова Т.Н. О преподавании историографии всеобщей истории в Новороссийском университете в начале XX в. // Актуальные проблемы исследования и преподавания новой истории стран Западной Европы и Америки. - Одесса, 1992. - С. 37-42; Попова Т.Н., Максименко И.В. Биоисториографические этюды. Евгений Николаевич Щепкин. Забытое имя: В.Э.Крусман. Петр Михайлович Бицилли (1879-1953) // Одеський університет. - 1995. - №№ 6-9. - 12 травня; №№14-17. - 28 червня;

Попова Т.Н. Из истории историографии: В.Э.Крусман (К 120-летию со дня рождения) // Записки історичного факультету / Одеський державний університет імені Т.Т.Мечникова. - Випуск 9. - Одеса, 1999. - С. 171-179 и др.; Немченко И.В. Научные изыскания В.Э.Крусмана в Одессе // IV Чтения памяти профессора П.О.Карытковского. - Одеса, 1998. - С.100-105.

⁶ Бицилли П. Памяти В.Э.Крусмана. - С.342.

⁷ Там же. - С.342-343.

⁸ Там же. - С.343.

⁹ Работа о Петrarке осталась в рукописи (П.М. Бицилли и И.М. Гревс знали о ее существовании, вероятно, от самого В.Э. Крусмана; дальнейшая ее судьба неизвестна). Курс лекций был отлитографирован, но В.Э. Крусман, исключительно требовательный к себе, отказался его публиковать, несмотря на настояния друзей (так у П.М. Бицилли). Этот курс, считает П.М. Бицилли, представ я собой «единственное в своем роде исследование, новое не только по материалам, извлеченным им из богатейшего Воронцовского фонда библиотеки Новороссийского Университета, но и по постановке вопроса». См.: Русская мысль. - 1923. - Кн.1/2. - С.344.

¹⁰ Гревс И.М. Памяти В.Э.Крусмана. - С.258.

¹¹ История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения / Под ред. Л.М. Брагиной. - М., 1999. - С.202; Шевчук Н.А. В.Э. Крусман и его научнопедагогическая деятельность // Вопросы германской истории. Сб. научных трудов. - Днепропетровск, 2001. - С. 96-97; Зленко Г. Первооткрыватель “Филобиблona”. К 120-летию со дня рождения историка В.Э.Крусмана // Вечерняя Одесса. - 1999. - 9 декабря.